

— ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ —

УДК 398.224(=512.154)

Т. А. Бакчиев

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СКАЗИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА МАНАСЧЫ

Современное научное мировоззрение имеет возможности в построении универсальной научной теории в области эпосоведения, которая сможет объяснить многообразие эпосов народов мира. И очень важным предметом исследования в эпосоведении всегда считалось сказительское искусство, которое являлось частью традиционной культуры народа. Для достижения указанной цели требуется рассмотреть научно-теоретические исследования проблем, связанных с традиционным искусством сказителя. Рассматривая теоретические подходы советской, зарубежной и кыргызской науки, которые применялись в изучении проблем сказительского творчества вообще, автор имеет цель правильно оценить проблемы традиционных основ кыргызского сказительства. Опираясь на достижения научных исследований прошлых лет и на традиционные методы исследования (историко-типологический, сравнительно-типологический), разработанные советскими, зарубежными и отечественными учеными, автор пытается еще глубже раскрыть и понять мир кыргызского сказительства. И благодаря именно научно-теоретическим изысканиям многих исследователей по проблемам сказительского искусства, автор сумел систематизировать свое научное исследование и попытался представить ее научному миру. Таким образом, автор в данной статье делает краткий обзор всех научных исследований по кыргызскому сказительскому искусству, которые были осуществлены со второй половины XIX в. по сегодняшний день. Автор также признается, что это лишь подготовительный этап для комплексного изучения данного предмета, результаты которых в будущем позволят расширить возможности дальнейшего изучения не только сказительского искусства, но и сказительской деятельности в целом. Интерес ученых к кыргызскому героическому эпосу «Манас» и его сказителям с каждым годом растет. В данной статье автор обращается к исследованиям Ч. Ч. Валиханова, В. В. Радлова, Г. Алмаши, Б. В. Смирнова, Б. Солтоноева, М. О. Ауэзова, В. С. Виноградова, К. А. Рахматуллина, В. М. Жирмунского, Б. Н. Путилова, М. Ч. Мамырова, Ж. К. Орозобековой, К. Жумалиева и др., которые оставили неизгладимый след в изучении творчества сказительского искусства манасчы. Обращаясь к их материалам, автор попытался отметить этапы развития манасоведения в изучении проблем кыргызского сказительства.

Ключевые слова: сказание, сказитель, сказительство, сказительское искусство, сказитель-манасчы, эпос, фольклор, фольклористика, манасоведение, традиционная культура.

Т. А. Bakchiev

Theoretical approach to the study of narration art manaschy

The modern academic worldview has the capacity to build a universal academic theory in the field of epic studies, which can explain the variety of epos of peoples of the world. A very important subject of epic studies in narration art has always been considered an art, which is part of the traditional culture of the people. To achieve

БАКЧИЕВ Талантаалы Алымбекович – к. филол. н., доцент, президент Международной ассоциации манасологов, сказитель эпоса «Манас» – манасчы, член Национального Союза писателей Кыргызской Республики.

E-mail: kg.baatyrg@gmail.com

BAKCHIEV Talantaaly Alymbekovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Prof., President of International Association of manasologists, narrator of Manas epos – manaschi, member of National Union of Writers of Kyrgyz Republic.

E-mail: kg.baatyrg@gmail.com

this goal we need to consider the academic and theoretical study of the issues associated with the traditional art of the narrator. Reviewing the theoretical approaches of Soviet, Kyrgyz and foreign scholars, which were used in studying the issues of narration art creativity in general, the author aims to properly assess the problems of the traditional foundations of Kyrgyz narration. Building on the achievements of the past years of research and traditional research methods (historical and typological, comparative-typological), developed by the Soviet, foreign and domestic scholars, the author tries to reveal deeper and understand the world of the Kyrgyz narration. Due to the academic and theoretical studies of many researchers on the narration art topics, the author was able to organize the academic study and tried to present it to the academic community. Thus, the author of this article makes a brief review of research on the Kyrgyz narration art that have been implemented since the second half of the 19 century to present. The author also acknowledges that it is only a preparatory stage for a comprehensive study of the subject, the results of which in the future will expand the opportunities for further study not only of the art but also the narration art and narration activities in general. The interest of scholars in the Kyrgyz heroic epos *Manas* and narrators is growing every year. In this article the author refers to the works by Ch. Ch. Valikhanov, W. W. Radloff, G. Almashi, B. V. Smirnov, B. Soltonoev, M. O. Auezov, V. S. Vinogradov, K. A. Rahmatullin, V. M. Zhirmunskii, B. N. Putilov, M. Ch. Mamurov, Zh. K. Orozobekova, K. Jumaliev et al., that left an indelible mark on the study of creative narration arts *manaschy*. Referring to their content, the author tried to mark the stages of development in *Manas* studies in the study of Kyrgyz narration.

Keywords: narrative, narrator, narration, narration art, narrator-manaschy, epos, folklore, folklore study, *Manas* studies, traditional culture.

Введение

Научный интерес к кыргызскому фольклору, в т. ч. и сказительскому искусству манасчы, появился еще во второй половине XIX в., когда российские исследователи впервые посетили северные склоны Тянь-Шаня, побережье озера Иссык-Куль, долину реки Текес и Чу, т. е. исконные земли проживания кыргызов. У кыргызов манасчы – это творитель, хранитель и исполнитель сказания о Манасе. Поэтому для понимания эпоса «Манас» как феномена традиционной культуры и духовного наследия кыргызов следует изучить традиционные основы сказительства. Огромное значение имеет изучение личности сказителя и его творческой лаборатории. В настоящее время в той или иной степени изучены версии эпоса «Манас», предлагаемые крупными сказителями, исследован и их основной репертуар. Также созданы творческие портреты более семидесяти манасчы. В настоящее время около семидесяти вариантов трилогии эпоса «Манас» разного объема и разных его частей и эпизодов хранятся в Рукописном фонде Национальной Академии наук Кыргызской Республики, которые были записаны в основном в советскую эпоху, и некоторые из них были изданы в книжной и электронной формах.

Краткий обзор научных исследований сказительского искусства манасчы

Одним из первых в качестве исследователя места постоянного проживания кыргызов посетил Ч. Ч. Валиханов, в научном наследии которого важное место отводится эпосу «Манас». «Ч. Ч. Валиханов рассматривал эпос «Манас» как разносторонний источник, где отражены сведения по истории и культуре, миропониманию кыргызского народа в дореволюционном прошлом. Если обратиться к трудам Ч. Ч. Валиханова, то нетрудно заметить, что почти во всех своих трудах, где говорится о кыргызах, он стремится использовать нужную (подтверждающую – Т. Б.) информацию из «Манаса» [1, с. 13]. В мае 1856 г., по инициативе Ч. Ч. Валиханова, впервые в истории кыргызской литературы был записан один из крупнейших эпизодов эпоса «Манас» – «Поминки по Кёкётею» (кырг. «Көкөтөйдүн ашы»). И это стало важным историческим событием не только в истории кыргызской литературы, но и в истории народа. Научная значимость этой инициативы заключается еще и в том, что текст эпоса «Манас», который до этого времени существовал лишь в устной форме, впервые был записан из уст живого сказителя и обрел письменную версию. Кроме того, Ч. Ч. Валиханов впервые в научной сфере упоминает о сказителе-манасчы: «Один эпизод из поэмы «Манас», именно тризна по Кукотай хане, записан мною из слов киргизского рапсода» [2, с. 25]. Что касается самого сказительства, Ч. Ч. Валиханов пишет следующее: «Киргизы говорят, что трех ночей недостаточно, чтобы выслушать «Манас», и что столько же нужно для «Семетая», но это, вероятно, преувеличение» [2, с. 23-24]. Ч. Ч. Валиханов, видимо, тогда еще не представлял себе, что на самом деле текст

эпоса «Манас» имеет огромный объем, исполнение которого может занять несколько ночей, а то и суток. Кыргызы, которые информировали его об этом, были вполне правы и честны в своих высказываниях.

Рис. 1. Поход (Художник Т. Т. Герцен)

Другой российский ученый, тюрколог по образованию, В. В. Радлов, кыргызов посетил дважды: в 1862 и 1869 гг. Во время своих экспедиций он записал некоторые образцы устного народного творчества. В числе этих жанров В. В. Радлов записал краткий сюжет эпоса «Манас». Как талантливый ученый, В. В. Радлов в отличие от Ч. Ч. Валиханова, впервые в истории науки сумел выделить и предоставить научному миру характерные черты сказителя эпоса «Манас», а именно: стиль, социальное положение, мировоззрение, стремления, личностные качества, музыкальный и поэтический уровень, психологическое состояние при исполнении, взаимосвязь с аудиторией, исполнительское мастерство, историческую роль, национально-эпический дух, пути возникновения сказительского дара [3, с. 25-42]. Вместе с тем, он сумел сделать сравнительный анализ кыргызских сказителей со сказителями северных тюркских народов, с казахскими акынами-импровизаторами. Вот что он пишет по этому поводу: «Кара-киргизские певцы (сказители – Т. Б.) превосходят певцов других племен ясностью выговора при пении, мелодический их речитатив нисколько не мешает пониманию содержания, которое ясно даже для некиргизов. Это обстоятельство очень облегчило записывание текстов» [3, с. 35].

Касаясь вопроса сказительства, В. В. Радлов пишет следующее: «Ему одному свойственно искусство эпического пения. Он находится под властью музыки, которая и влагает в него пение (то же самое, только в других словах, сообщил мне кара-киргизский певец). К этому я прибавлю, что ошибочно выводит Низе (Niese, Die Entwicklung der homerischen Poesie, Berlin, 1882) из слов Гомера, что певец выучился этому искусству. Певец учится только пассивно, слушая. Он и не поет знакомых ему песен, так как готовые песни вовсе не существуют в периоде настоящего эпоса, существуют только сюжеты, которые и описываются так, как муза, т. е. внутренняя сила певца влагает их в него. Он никогда не поет песен, составленных другими, он сочиняет только сам» [3, с. 37]. Продолжая свою теоретическую мысль, В. В. Радлов пишет о судьбе, о принципах традиционного бытования сказительства: «Период аэдов возможен только в то время, когда народная поэзия составляет еще единственное умственное произведение народного творчества, когда не существует других воспроизводителей кроме их; только народ не достигший индивидуализирующей культуры, может выделять из своей среды аэдов и развить период настоящего эпоса. С двоядением культуры и с распространением грамоты аэды вытесняются и заменяются рапсодами (акынами у казак-киргизов – Т. Б.), которые не творят сами, но поют заимствованные у других песни. При заимствовании образцов народной культуры мне пришлось убедиться

в том, что народный певец может запомнить только весьма ограниченное число чужих стихов, выученных в определенном порядке, и что устная передача из длинных песен в объеме, например, нескольких книг Гомера, немыслима. Я хочу сказать этим, что человеческая память не в состоянии удержать длинное произведение... Это возможно только тогда, когда длинное произведение записано, и когда заучивающий может затвердить отдельные части, прочитывая их или слушая чтение других» [3, с. 38]. Таким образом, на примере сказителя эпоса «Манас» ученый дает свою собственную оценку феномена сказительства в целом.

По результатам своей научной экспедиции 1900 г. (июль-ноябрь) в местах бассейна реки Или, районах к востоку от озера Иссык-Куль и ранее неисследованных хребтах Тянь-Шаня, в Будапеште, на немецком языке, венгерский этнограф, зоолог Г. Алмаши, в 1911 г. в журнале «Keleti Szemle» публикует свою статью под названием «Кара-киргизский эпос – «О смерти Манаса». В этой статье Г. Алмаши пишет о поэтике трилогии эпоса «Манас» и дает ей краткую характеристику. Также он пишет о сказителе, из уст которого исследователь записал краткий сюжет и определил структуру эпоса, а также небольшой отрывок из 72 стихотворных строк «Прощание героя Манаса с сыном Семетеем» [4, с. 42-48]. К сожалению, как и в материалах Ч. Ч. Валиханова и В. В. Радлова, точное место и конкретную дату записи текста исследователь не упоминает. «Видимо, это было связано и с тем фактом, что в прошлом ученого трудно было назвать только филологом, лингвистом или историком и этнографом. В большинстве своем они были людьми энциклопедических знаний, были универсалами», – пишет И. Б. Молдобаев [1, с. 19].

«В 1903 году небольшой отрывок в 270 стихотворных строк из эпоса «Семетей» (второй части трилогии эпоса «Манас») записал на фонограф русский художник Б. В. Смирнов. Ещё студентом Петербургской Академии художеств ему довелось участвовать в качестве художника в комплексной экспедиции, организованной Русским Географическим обществом в Среднюю Азию. Тогда он прослушал и незаметно записал на фонограф отрывок из эпоса в исполнении певца-музыканта Кенжекара ырчы (Кенжекара Калча уулу (1859-1929) – Т. Б.) в Пишпеке. В это короткое пребывание художник успел создать более двадцати этюдов и зарисовок с натуры, в основном этнографического характера, составивших целый художественный альбом «По Киргизии. 1903 год». Среди рисунков привлекает внимание изображение Кенжекара, которое является первым известным нам изображением исполнителя эпоса в дореволюционное время» [1, с. 17-18].

Изучая рисунки и очерки Б. В. Смирнова как историко-этнографический источник сведений о кыргызах начала XX в., В. Я. Галицкий в своей работе пишет следующее: «он познакомил российскую общественность с содержанием замечательного памятника эпического творчества кыргызов, который, по словам самого певца-сказителя, можно рассказывать сорок дней и сорок ночей» [5, с. 165-166].

С приходом власти Советов начинается новый этап в изучении эпоса «Манас» и его сказителей. На основании Декрета «Об охране научных ценностей», который был издан в декабре 1918 г. за подписью В. И. Ленина, в 1921 г. выходит Постановление Совета Народных Комиссаров Туркестанской Республики о создании при Наркоме просвещения Комитета по охране музейных дел, памятников прошлого, искусства и природы» [6, с. 91].

Первые крупномасштабные мероприятия, связанные с эпосом «Манас», были начаты в 1922 г. Основной их целью было не исследование творчества манасчы, а лишь запись их вариантов. Однако среди собирателей были неравнодушные люди, которые в процессе записи текста вариантов эпоса записывали краткую биографию и творческий путь сказителей. Одним из таких ярких личностей был К. Мифтаков. Будучи сельским учителем и владея кыргызским языком, он сумел собрать буквально со всех регионов Кыргызстана огромное количество образцов устного народного творчества всех жанров. По воспоминаниям самого К. Мифтакова, в 1922 г. им был собран обширный материал по творчеству сказителя «Манаса» Сагымбая Орозбакова (1867-1930), из уст которого он начал запись текста эпоса. К сожалению, по неизвестным причинам материалы были утеряны [7, с. 33].

Один из учеников, который продолжил его дело, и по собственной инициативе, во время записи фиксировал все случаи жизни сказителя, был Ыбырайым Абдырахманов (1888-1967).

Благодаря его усилиям и упорству сейчас имеется не только один из крупнейших текстов (183 378 стихотворных строк) эпоса «Манас» по варианту Сагымбая Орозбакова, но и информация об особенностях творческого процесса и жизнедеятельности этого сказителя. Именно благодаря стараниям и личным наблюдениям собирателя современная наука располагает очень важной информацией о самой природе сказителя на примере Сагымбая Орозбакова как истинного манасчы, о его мировоззрении, глубоком внутреннем ощущении мира Манаса, психологическом состоянии во время исполнения эпоса и вне его исполнения. Записи варианта Сагымбая Орозбакова велись с перерывами в течение четырех лет (1922-1926), и все эти годы Ыбырайым Абдырахманов не переставал пристально наблюдать за личной жизнью и творчеством сказителя. В качестве примера хотелось бы привести один из моментов столь долгого и кропотливого труда, через который прошел Ыбырайым Абдырахманов: «В одном из своих писем, приложенных к первой книге поэмы, переписчик сообщает, что после сновидений поэт становится заметно продуктивнее, что черпает он свои сказания из необычайных, сверхъестественных источников и что, когда его перестают на время посещать духи-покровители, Сагымбай как бы исчерпывается, и работа в такие моменты продвигается очень медленно» [8, с. 51].

Все свои наблюдения Ыбырайым Абдырахманов старался записывать. И в настоящее время эти материалы хранятся в Рукописном фонде Национальной Академии наук Кыргызской Республики. Часть их уже опубликована в различных научных трудах разными авторами (М. О. Ауэзов, К. Ибраимов, К. А. Рахматуллин, С. М. Мусаев и др.). И сегодня многие манасоведы при изучении той или иной проблемы сказительства обращаются к материалам Ыбырайыма Абдырахманова. В этом отношении он внес неоценимый вклад в сбор материалов, касающихся не только творчества Сагымбая Орозбакова, но и мн. др. сказителей. Не стоит забывать еще об одной очень важной роли Ыбырайыма Абдырахманова в развитии манасоведения, а именно в том, что сумел создать свой собственный вариант трилогии эпоса «Манас», в последствии предоставленный им в Рукописный фонд Национальной Академии наук Кыргызской Республики.

«Неизмеримо велика заслуга этого скромного человека (Ыбырайыма Абдырахманова – Т. Б.) в записи различных вариантов «Манаса», в упорядочении и хранении рукописей. Среди имеющихся ныне записей эпоса, колоссальный объём которых трудно представить, почти нет страницы, которой бы не касался этот человек. Все записи, начиная с варианта Сагымбая и кончая всеми записанными в последующий период вариантами, выполненными Ы. Абдырахмановым, отличаются точностью и аккуратностью», – отмечает А. А. Акаев [9, с. 24-25].

Одним из первых среди кыргызских исследователей информацию о сказителях-манасчы собрал Б. Солтоноев. Видный историк, литературовед начала XX в. Б. Солтоноев начал свои исследования еще в 1895 г. К сожалению, он не успел их опубликовать при жизни. И лишь спустя полвека (в 1993 г.) после его гибели все материалы, собранные им в течение сорока лет, были опубликованы. В них имеются краткие сведения о сказителях-манасчы: Нооруз (XVII-XVIII), Кельдибек Барыбоз уулу (1790-1880), Балык (Бекмурат) Кумар уулу (1793-1887), Тыныбек Жапый уулу (1846-1902), Сагымбай Орозбаков, Дыйканбай Калчабек уулу (1873-1923), Акылбек (1840-1928), Саякбай Каралаев (1894-1971). О некоторых из них автор дает очень скудную и не совсем точную информацию. А с некоторыми, как он пишет, неоднократно встречался сам и был свидетелем их публичных выступлений: «Я несколько раз видел Акылбека, Сагымбая и слушал в их исполнении «Манас». Но на мой взгляд, среди всех остальных манасчы, именно Тыныбек сказывал без преувеличений, как есть. И он обладал на слух приятным голосом. Ни у одного манасчы я не встречал такой голос. Тогда ему было примерно 45-48 лет. Он был крупного телосложения, смуглый, с круглым лицом и подходящими для его лица бородой и усами. Сам он к тому времени был бием. Я видел, как он участвовал на уездном съезде в качестве должностного лица. И на съезде делегаты-главы волостей и мананы стали просить Тыныбека исполнить «Манас». И я был свидетелем того зрелища, когда его исполнение слушали несколько дней и ночей 200-300 человек, без сна и отдыха» [10, с. 164].

В середине 30-х гг. на страницах республиканских газет «Советская Киргизия» и «Казахстанская правда» появляются научные статьи о творчестве кыргызских сказителей. Автором этих статей был молодой казахский ученый М. О. Ауэзов. Для кыргызской газеты он дает интервью о поэтических способностях манасчы на примере процесса возникновения сказительского

дара у Тыныбека Жапый уулу и у Сагымбая Орозбакова [11]. Для страниц казахской газеты он дает краткую информацию об эпосе «Манас», об истории записи вариантов эпоса и довольно подробно пишет о творчестве Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева [12].

В 2002 г. в личном архиве известного казахского журналиста Г. У. Бузурбаева были обнаружены рукописи М. О. Ауэзова (104 страницы текста). После изучения этих научных материалов, оказалось, что все они до того времени нигде не издавались. Самым интересным для нас стало то, что исследования были посвящены эпосу «Манас» и его сказителям. Впервые эти материалы были опубликованы в 2002 г. на страницах казахского журнала «Отан тарихы» [13], а через девять лет рукописи были изданы в Алматы отдельной книгой под названием: «Манас» – киргизская героическая поэма» [14].

Данный научный материал состоит из двух крупных разделов: 1. Сказители «Манаса» и слушательская среда; 2. Соображения по поводу уточнения времени возникновения эпоса «Манас». Первый раздел был завершен автором в 1930 г. Второй был закончен 1 февраля 1940 г. В конце каждого раздела рукописи стоит подпись автора и указана дата, что доказывает подлинность авторства и завершенность исследования. При изучении данного материала нами была обнаружена некоторая схожесть второго раздела – «Соображения по поводу уточнения даты «Манаса» с научной работой М. О. Ауэзова, которая была опубликована в 1961 г. в книге «Киргизский героический эпос «Манас» [15] под названием «Киргизская народная героическая поэма «Манас» [8, с. 15-84]. На наш взгляд, материалы исследований М. О. Ауэзова 1940 г., в частности, второй раздел («Соображения по поводу уточнения даты «Манаса») стал стержнем его будущей научной работы, опубликованной в 1961 г. И все же каждый из этих разделов вызывает научный интерес и имеет огромное значение для манасоведения. Однако, на данный момент, наиболее важной для нас является первая часть, где он обращается к вопросам о первом сказителе, о роли манасчы в обществе, о сказительских школах, о появлении сказительского дара у манасчы, о типах манасчы, о видоизменениях текста эпоса. В последующих разделах нашего исследования мы еще раз вернемся к этим материалам.

Хотя научные публикации М. О. Ауэзова в средствах массовой информации стали появляться лишь в середине 30-х гг., его исследовательская работа над эпосом «Манас» началась еще в 1927 г. В этом отношении, М. О. Ауэзов как крупнейший знаток фольклора и литератур тюркских народов Средней Азии является одним из зачинателей манасоведения.

В конце 30-х гг. на страницах московских журналов один за другим появляются статьи видных советских музыковедов: В. М. Кривоносова [16], В. С. Виноградова [17] и В. М. Беляева [18]. Статьи были посвящены особенностям исполнения эпоса «Манас» и опубликованы в канун проведения Первой декады кыргызского искусства, которая проходила в 1939 г. в столице СССР.

Изучая материалы других музыковедов, которые были опубликованы после выступлений сказителей эпоса Молдобасана Мусулманкулова (1881-1961), Саякбая Каралаева и др., В. С. Виноградов отмечает: «Из фольклористов-музыковедов советского периода «Манасом» раньше других заинтересовался А. В. Затаевич [19], записавший четыре попевок этого эпоса. Но он не представил речитатива и не высказался о манере исполнения манасчы. В. М. Кривоносов посвятил «Манасу» статью [16, с. 35], в которой привел несколько попевок, не отметив их связи с содержанием текста. Автор писал о речитативе, объединяющем в одну группу несколько стихов, обратил внимание на существование особо акцентируемых слогов. В. М. Беляев [20, с. 22] так же устанавливал связь между семисложником и напевом, но он более четко дифференцировал два типа интерпретации. В этих наблюдениях отмечены существующие два музыкальных потока в «Манасе»: речитативный и напевный. Но такой вывод является слишком обобщенным. Он не раскрывает всего многообразия, богатства музыкальной интерпретации эпоса [21, с. 223-225].

В 1958 г. вышла книга В. С. Виноградова под названием «Киргизская народная музыка», где он очень кратко пишет об исполнительской манере Молдобасана Мусулманкулова [22, с. 186] и Саякбая Каралаева [22, с. 185-186]. А в 1984 г. в качестве приложения к академическому изданию первого тома эпоса «Манас» по варианту Сагымбая Орозбакова была опубликована его статья под названием «Напевы «Манаса» [23], где он более подробно пишет

о манере исполнения Молдобасана Мусулманкулова, Ыбырайыма Абдырахманова, Джаныбая Коджекова (1869-1942), Актана Тыныбекова (1888-1951) и Саякбая Каралаева, сопоставляя музыкальное построение текста с идеей и содержанием эпизода, который они исполняют.

В течение нескольких десятилетий (30-60-е гг.) В. С. Виноградов scrupulously исследовал исполнительское искусство эпоса «Манас». Он успел записать и изучить исполнение таких выдающихся сказителей-манасчы XX в., как Молдобасан Мусулманкулов, Ыбырайым Абдырахманов, Джаныбай Коджеков, Актан Тыныбеков, Саякбай Каралаев. Он стал одним из первых профессионалов-музыковедов, который сумел определить возможности исследования исполнительского искусства сказителей-манасчы в области музыковедения.

Для кыргызского искусства, в т. ч. и для манасоведения, 1939 год стал особым и важным. Первая декада кыргызского искусства, прошедшая в Москве в том году, дала возможность для многих советских ученых впервые воочию увидеть и услышать живое исполнение эпоса «Манас» из уст традиционных сказителей. Кроме того, для тех исследователей, кто в той или иной степени интересовался эпическим сказительством, была предоставлена возможность для его дальнейшего исследования. И она не была упущена, доказательством чему стали статьи, которые печатались на страницах московских газет и журналов. В тот год на страницах газеты «Вечерняя Москва» была опубликована статья С. И. Корева [24]; а на страницах газеты «Комсомольская правда» опубликовал свою статью П. Ф. Шубин [25]; в «Литературной газете» были опубликованы ряд статей Б. Емельянова [26], В. Вершилова [27] и В. Пахомова [28]. Все эти работы были посвящены особенностям исполнения сказителей-манасчы Молдобасана Мусулманкулова и Саякбая Каралаева, которые были тогда в составе участников декады.

Рис. 2. Манасчы Саякбай Каралаев (Художник Э. Токталиев, 1987 г., холст, масло)

И все же первый, кто взялся вплотную за исследование сказительского искусства манасчы, был К. А. Рахматуллин, литературовед, знаток эпоса «Манас». В 1942 г. он впервые опубликовал свой труд, посвященный сказительскому творчеству, под названием «Сказители «Манаса» [29]. В своей книге автор делает акцент на творческие особенности, слушательскую среду, стиль исполнения, типы, объяснение своего дара сказителями. Кроме того, К. А. Рахматуллин впервые предоставляет общественности обширный материал по описанию жизни и деятельности: Кельдибека Барыбоз уулу, Балыка (Бекмурат) Кумар уулу, Тыныбека Жапый уулу, Чоюке Омур уулу (1863-1925), Сагымбая Орозбакова, Саякбая Каралаева, Тоголока Молдо (1860-1942), Шапака Ырысмендеева (1963-1956), Джаныбая Коджекова, Акмата Ырысмендеева (1891-1966), Молдобасана Мусулманкулова, Ыбырайыма Абдырахманова.

Основной вопрос, который он считает очень важным в своем исследовании, – это выявление особенностей сказительского творчества манасчы: «В исследовании творчества сказителей эпоса «Манас» очень важным является тот случай, когда они создают свой собственный вариант. При создании собственного варианта манасчы опираются не только на свои поэтические

способности, но, видимо, обращаются еще и к вариантам сказителей прошлого. В этом случае для усовершенствования сказительского искусства главную роль для манасчы играет не только поэтический дар, но еще и преемственность. Именно этот вопрос является очень важным для нас: что заимствует он от других, а что добавляет от себя, создавая свой собственный вариант?» [29, с. 9].

В исследовании эпоса «Манас» и его сказителей неоценимую роль сыграл крупнейший советский ученый в области фольклористики В. М. Жирмунский.

Еще в 1947 г. В. М. Жирмунский опубликовал свою научную статью «Среднеазиатские народные сказители» [30], где он среди сказителей народов Средней Азии пишет и о кыргызских манасчы. Ранее с этим докладом он выступил на Втором Всесоюзном географическом Съезде 24 января 1947 г.

В 1960 г. В. М. Жирмунский публикует свою новую статью под названием «Легенда о призвании певца» [31]. Позже эта статья была опубликована еще несколько раз в 1979 и 2004 гг. Автор в данной статье затрагивает вопрос о чудесном внушении или наитии как источнике поэтического дара и призвания сказителя. Он обращается к биографической легенде первого англосаксонского поэта Кэдмона; к древнеисландской саге о скальде Хальбиорне; к творчеству прославленного узбекского бахши Эргаша Джуман бул-бул оглы; к биографиям знаменитых монгол-ойратских тульчи Этэн-Гончика и Парчена; к народному преданию крупнейшего кыргызского манасчы Кельдибека, к образу сказителя и шамана средневекового тюркского эпоса «Коркут-ата» Коркута; к творчеству туркменского поэта Махтум-Кули. Обращаясь к преданиям о сказителях и легендарных поэтах разных народов и разных времен, В. М. Жирмунский одним из первых в области фольклористики пытается поднять вопрос о возможности древней связи сказителя и шамана. Осуществляя сравнительный анализ об избранничестве сказителя и шамана, ученый пишет: «Подобные представления о божественном «призвании» певца в условиях феодального общества сохраняются лишь как пережиток древности, получая новое переосмысление в духе господствующей религии – христианстве (Кэдмон) или мусульманстве (узбекские или туркменские бахши дореволюционного времени). Более глубокий генезис этих представлений на ранних ступенях развития общества раскрывается лишь в результате дальнейшего привлечения материала сравнительной этнографии и фольклора» [32, с. 361]. При внимательном прочтении этого высказывания можно обнаружить очень интересную мысль автора о том, что божественное призвание сказителя как мощное явление, находится вне всякой религии. В нем более древние общечеловеческие корни и истоки.

Последующие попытки изучения творчества сказителей эпоса «Манас», их классификация и в целом традиции сказительского мастерства были определены Р. З. Кыдырбаевой [33], К. Ибраимовым [34], М. Ч. Мамыровым [35, с. 71-108], С. М. Мусаевым [36], Б. Н. Путиловым [37]. Есть и другие исследования, которые внесли свою лепту в изучение данной проблемы, это труды Ч. Т. Айтматова, К. Артыкбаева, А. А. Асанканова, Т. И. Байджиева, С. Бегалиева, Н. Бекмухамедова, З. Бектенова, К. Ибраимова, Х. К. Карасаева, А. Карыпкулова, К. Кудайбергенова, К. Кырбашева, А. Обозканова, А. Салиева, Р. Сарыпбекова, А. Табалдиева, М. Убукеева, Б. М. Юнусалиева.

Спустя более сорока лет после выхода в свет научной работы К. А. Рахматуллина, обращаясь к проблемам сказительства, в 1984 г. Р. З. Кыдырбаева публикует свой научный труд «Сказительское мастерство манасчи» [33]. Все это долгое время проблема сказительского искусства манасчы оставалась вне научного внимания. За это время в жизни и деятельности сказителей происходили заметные изменения. Как справедливо в свое время отметил Б. Н. Путилов, «уходили из жизни величайшие сказители, а значит, переставал существовать и предмет исследования» [37, с. 11].

Р. З. Кыдырбаева в своей монографии рассматривает вопрос о сказительской преемственности в условиях устной традиции, а также вопрос импровизации как неотъемлемую часть сказительской традиции. В качестве приложения к основному материалу она предоставляет информацию о снах некоторых манасчы, когда-то записанных фольклористами из уст самих сказителей и их современников. Основной целью этой работы явилось изучение сказительского мастерства создателя текста эпоса в традиционной форме. Данный материал Р. З. Кыдырбаевой и вся ее научная деятельность заслуживают особого внимания, ибо имея огромный опыт и

знания в сфере манасоведения и в целом фольклористики, она сумела донести до русскоязычных читателей роль манасчы в развитии и бытовании эпоса, проблему генезиса и исторической эволюции эпоса «Манас».

Особо следует отметить исследования М. Ч. Мамырова, его последнюю монографию на кыргызском языке «История создания эпоса «Манас» [35]. Как отмечает сам автор, данный материал был готов еще в 1974 г., но лишь в 2005 г. был опубликован. В разделе «Первые сказители эпоса «Манас» автор рассматривает творчество двух героев из эпоса «Манас», которые обладали импровизаторскими способностями и слагали поэтический текст в самом эпосе – Ырчы-уул (кырг. Ырамандын Ырчы уулу) и Жайсан-ырчы. Оба героя описываются в эпосе как сторонники и соратники Манаса. По народным преданиям, они и были первыми сказителями эпоса «Манас».

В этом разделе своей монографии исследователь осуществляет сравнительный анализ творчества, жизнедеятельности Ырчы и Жайсана с древнегреческими сказителями Фемием, Демодомом, Гомером, огузским сказителем Коркутом, древнеиндийскими сказителями Вьясом, Уграшравасом, Вайшампаяном, Санджаем, древнетибетским сказителем Норбо Чойбебом и т. д. М. Ч. Мамыров проводит мысль о том, что для создания проекта героического эпоса должны существовать определенные условия и обстоятельства, а первым сказителем мог стать только тот, кто являлся свидетелем событий, описываемых в эпосе. Лишь непосредственный участник этих событий, обладающий поэтическим даром, мог стоять у истоков создания героического эпоса, как, например, кыргызские Ырчы и Жайсан, древнеиндийский Вьяса или древнетибетский Норбо Чойбег.

Изучению сказительского искусства в целом и конкретных манасчы в частности посвящены исследования С. М. Мусаева. Огромное внимание ученого было уделено варианту и биографии Сагымбая Орозбакова, одного из величайших манасчы конца XIX и начала XX столетий. Исследователь является автором отдельной статьи «Манасчы» [36, с. 131-156], которая была включена в книгу «История кыргызской литературы» [36]. В данной статье автор предоставляет всю краткую информацию о сказительстве. Он рассматривает следующие проблемы: изучение сказительства, литературная терминология, сходство и различие между манасчы и акынами-импровизаторами, сновидения манасчы, становление сказительства, школы манасчы, изучение первых сказителей, сохранение единства традиционной сюжетной линии эпоса. Для решения вышеперечисленных проблем автор в качестве рекомендации предлагает свои методы и пути исследования.

Несомненно, особую роль в изучении эпического сказительства сыграл выдающийся российский ученый, фольклорист Б. Н. Путилов. В своей монографии «Эпическое сказительство» [37] автор на материалах эпосов народов Европы, Азии, Океании, Африки, на наблюдениях многочисленных российских и зарубежных исследователей и на основании своих собственных полевых исследований рассматривает проблемы обучения сказителей, освоение ими эпического мира и овладение «эпическим знанием», расширение репертуара, а также приводит легенды о получении будущими сказителями эпоса «чудесного дара». Подробно описывается искусство исполнения эпических сказаний, его ритуальный характер, взаимоотношения сказителя с аудиторией, связь между сказителями и шаманами [37, с. 4].

Для нас работа Б. Н. Путилова вызывает особый интерес, так как обращаясь к комплексу проблем, связанных со сказительством, он с глубоким уважением и со всей деликатностью рассматривает сказительское искусство манасчы. Изучив труды своих предшественников по проблемам кыргызского сказительства (Ч. Ч. Валиханова, В. В. Радлова, М. О. Ауэзова, В. М. Жирмунского, К. А. Рахматуллина, В. С. Виноградова и Р. З. Кыдырбаевой), он пишет: «Что может добавить к этим суждениям автор, никогда не работавший с манасчы и могущий в первую очередь опираться на международный сравнительный материал на тему избранничества и наития? Разве лишь одно: дар эпического сказительства, да еще связанного с такими монументальными памятниками, как «Манас», – это необъяснимая загадка» [37, с. 51].

Также следует отметить труды отечественных исследователей последних лет К. Жумалиева [38, 39, 40, 41], А. Заркунова [42] и С. С. Муратовой [43], которые также внесли особый вклад в изучение биографий, сказительской деятельности манасчы Тыныбека Жапый уулу, Сагымбая Орозбакова, Саякбая Каралаева и др.

В настоящее время тенденция изучения данной проблемы значительно ослабла, и это следует признать. Но следует признать и другое, что за годы независимости Кыргызстана научные исследования нами обсуждаемой проблемы расширили свои границы и возможности. И мы уверены, что это может привести в будущем и к качеству, и к масштабности исследований. Сейчас к данной фольклорной традиции постепенно проявляют научный интерес такие отрасли наук, как культурология, философия, социология и этнография. Хотя в прошлом вопросы сказительства являлись объектом исследования именно фольклористики. Видимо, это связано с тем, что в советский период было принято считать, что вопросами изучения сказителей и в целом сказительства, должна заниматься лишь фольклористика и ни в коем случае никакая другая отрасль науки. Руководствуясь подобным мнением, наука в свое время многое упустила и, пожалуй, это самый главный пробел советской науки в развитии эпосоведения.

По этому поводу очень откровенно высказал свое мнение Б. Н. Путилов: «К сожалению, приходится признать, что и наша отечественная, и зарубежная наука, сделала далеко не все, что должна была и могла сделать. Проблема сказителя и сказительства, по существу, не занимала в эпосоведении центрального места, уступая его проблемам генезиса и истории эпосов, их содержания и поэтики. Работа по записи эпических текстов редко сочеталась с работой по изучению певца – его отношения к своему репертуару, вопросов обучения, усвоения, особенностей исполнения, вариативности и проч. Певец в редких случаях становился объектом вдумчивой экспериментальной работы, «погоня» за новыми записями мешала длительным контактам исследователей с певцами» [37, с. 10]. Далее, оправдывая своих предшественников и продолжая свою мысль, Б. Н. Путилов пишет: «Разумеется, все это – не в укор нашим предшественникам: они совершили великое дело, донеся до нас крупницы (а иногда и пласты) свидетельств, драгоценные факты, наблюдения... Не их вина, что в недавнем прошлом наука не располагала техническими средствами для полноценных записей эпоса, для увековечения самих сказителей, моментов их исполнения и т. д. Да, в конечном счете, и не их вина, что только в последние десятилетия проблема сказительства обрела должные масштабы, обросла программными разделами, высветилась в своем историческом значении и встала на прочные методические основы» [37, с. 10].

Действительно, сегодня мы имеем уникальную возможность для исследования проблем сказительства. Сейчас имеются серьезные труды отечественных исследователей в сфере социальной философии, культурологии, социальной антропологии. Важное значение в сфере фольклористики имеет работа Ж. К. Орозобековой «Исторический путь развития сказительского искусства» (на кыргызском языке) [44] и А. Джамиля «Эпос «Манас» и традиции тюркских сказаний» [45]; в сфере социальной философии имеет монография Г. А. Бакиевой «Социальная память и современность» [46]; в сфере социальной антропологии – работа Н. ван дер Хейде «Дух в действии. Эпос «Манас» и кыргызское общество» (на английском языке) [47]; в сфере музыковедения – работа Г. М. Байсабаевой «Эпос «Манас» в контексте музыкальной культуры кыргызов» [48]; в сфере культурологии – работа Н. Э. Усеновой «Эпос «Манас» как мнемоническая культура кыргызов» [49] и др.

В 2003 г. была опубликована монография Ж. К. Орозобековой «Исторический путь развития сказительского искусства» (на кыргызском языке) [44], в основу которой легли сказительская деятельность Шаабая Азизова и мн. др. известных традиционных манасчы прошлых лет. В своей работе Ж. К. Орозобекова делает акцент на некоторые вопросы, касающиеся современных проблем сказительства, в частности, генезис сказительского искусства, мотивы сновидений в сказительском искусстве, фольклорно-этнографические источники в сказительском искусстве и т. д.

Впервые в истории манасоведения Г. А. Бакиева рассматривает эпос «Манас», как мнемонический разум и культурный код кыргызов. Характеризуя сказителей-манасчы, она пишет следующее: «Сказители играют колоссальную роль в передаче не только информации и знаний, но и богатейшего эмоционально-психологического пласта народной культуры, что устную речь делает «живой», «мыслящей». Творчество сказителей отличается еще и тем, что они устанавливают связь времен: прошлого, настоящего и будущего, благодаря своей уникальной памяти. Эмоциональная и интеллектуальная нагрузка на разум и память сказителя и историческая

синхронизация событий разных времен являются содержанием мнемонической деятельности» [46, с. 101-102].

Продолжая эту же мысль, Н. Э. Усенова в своей работе пытается «определить уникальность эпоса «Манас» в мировой культуре и в контексте глобализации. И благодаря феноменальным свойствам памяти кыргызских сказителей-манасчы раскрыть феномен «памяти» человека в преемственности культурного наследия кыргызов» [49, с. 25]. Исследователь в своем материале отразила результаты полевых социологических исследований по проблемам роли эпоса «Манас» в контексте мировой культуры среди студентов, жителей столицы и некоторых регионов Кыргызстана. Исследования проводились в 2012-2014 гг. Были использованы анкетный опрос и интервьюирование. Основная часть исследований была связана с выявлением осведомления кыргызстанцев об эпосе «Манас», о кыргызских сказителях-манасчы и ученых, внесших вклад в генезис эпоса. На основе полученных результатов Н. Э. Усенова предлагает свои рекомендации по сохранению преемственности наследия культуры, как в сфере образования, так и в способах развития памяти как основного механизма передачи культурного наследия [49, с. 17-25].

В изучении места и роли сказителей-манасчы в кыргызском обществе неоценимый вклад внесла голландская исследовательница, доктор Лейденского университета Н. ван дер Хейде. Она дважды посетила Кыргызстан, первый раз в 1996-1997 гг., когда собирала материалы для своей магистерской работы; во второй раз в 1999-2000 гг., когда ей нужно было собрать материалы для своей докторской диссертации, которую в 2008 г. она успешно защитила в Тилбургском университете в Нидерландах. Во время своего пребывания в Кыргызстане она встречалась и общалась в течение долгого времени со сказителями. Ей посчастливилось встретиться с манасчы Кааба Атабековым (1924-2008), Шаабам Азизовым, Уркашем Мамбеталиевым (1934-2011), Канымбюбю Абраимовой. Ей удалось собрать большой материал, после изучения которого, в 2008 г. Н. ван дер Хейде опубликовала свою монографию. Опираясь на труды Ч. Ч. Валиханова, В. В. Радлова, М. Пэрри, А. Б. Лорда, Д. Приора, С. М. Мусаева и др., автор в своей работе прослеживает современные проблемы, касающиеся сказительского искусства манасчы: приобретение сказительского дара будущими манасчы, становление манасчы, сказительская школа, функции манасчы, традиционный сюжет вариантов эпоса «Манас», взаимовлияние сказителей и слушателей, социальный статус манасчы, роль сказителей в сохранении эпоса «Манас» [47].

Следует отметить научно-исследовательский проект «Дух в действии: сказывание эпоса «Манас», который был реализован в 2011 г. Проект инициирован и осуществлен «Инициативой по духовной консолидации», неформальной группой специалистов из различных научных сфер и общественным фондом «Миротворческий Центр». Результаты этих научных исследований были позже опубликованы в книге «Кыргызская матрица. Механизмы духовного самосохранения и развития» [50]. «Исследование было посвящено такому трансцендентному (сверхъестественному) явлению в кыргызской культуре, как эпос «Манас». Особый акцент был сделан на процессе живого сказывания эпоса «Манас», поскольку он является центральным и наиважнейшим компонентом культуры кыргызов» [50, с. 5]. В рамках данного научно-исследовательского проекта, мы впервые в истории манасоведения, а, возможно, и фольклористики в целом, провели научные эксперименты по нейрофизиологическому, психологическому, биохимическому, биомагнитному воздействию живого исполнения эпоса «Манас» на человека. Также впервые в истории манасоведения был проведен социологический опрос (во всех регионах Кыргызстана) о роли эпоса «Манас» и сказительства в жизни Кыргызстана. Результаты этих исследований также были опубликованы в книге «Кыргызская матрица. Механизмы духовного самосохранения и развития» [50].

Заключение

Зная и понимая, что одним из наиболее ярких и таинственных явлений в кыргызской традиционной культуре является феномен сказительства, которое сочетает в себе три важных элемента – сакральный дар сказителя, самого сказителя и слушающую аудиторию, мы до сих пор полностью не осознаем его значимость в жизни народа [50, с. 58]. Исследование сказительского искусства манасчы в одно время являлось полузапретной темой. Вероятно, такая ситуация была связана с тем, что она содержала слишком много вопросов о мистическом, магическом, трансцендентном.

Но жизнь не стоит на месте, и интересующая нас проблема постепенно обрела свое «легальное положение» в современной науке. Теперь стало очевидным, что истинная наука должна быть независимой от действующей государственной идеологии, она должна понимать и осознавать всю ответственность, которая стоит перед нею в исследовании подобного феномена. В любые времена она должна быть честной и объективной.

«Многие народы мира уже пережили «эпическую эпоху», т. е. время интенсивной жизни эпических сказаний в их устной традиции, прекратив ее несколько веков назад и продолжая бережно хранить как факт своей давно ушедшей истории и часть национального культурного наследия. У кыргызов «эпическая эпоха» в ярко выраженной продуктивной форме протянулась вплоть до середины XX столетия, и что особенно уникально, не оказалась стерта еще и в наши дни благодаря продолжающемуся феномену его исконных хранителей – народных манасчы» [51, с. 187]. Есть еще в народе манасчы, которые не только хранят в себе сказание о Манасе, но и создают все новые версии, исполняя эпос также как и их предшественники традиционным путем. Это говорит нам о том, насколько еще сильны сказительские традиции у кыргызов. И это дает огромную возможность для дальнейшего изучения сказительства.

Литература

1. Молдобаев И. Б. «Манас» – историко-культурный памятник кыргызов. – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 312 с.
2. Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии // Энциклопедический феномен эпоса «Манас»: Сб. ст. об эпосе «Манас» / Сост. С. Алиев, Р. Сарыпбеков, К. Матиев. – Бишкек: Гл. ред. КЭ, 1995. – 472 с.
3. Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен // Энциклопедический феномен эпоса «Манас»: Сб. ст. об эпосе «Манас» / Сост. С. Алиев, Р. Сарыпбеков, К. Матиев. – Бишкек: Гл. ред. КЭ, 1995. – 472 с.
4. Алмаши Г. Прощание героя Манаса с сыном Семетеем // «Манас» героический эпос киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1968. – 232 с.
5. Галицкий В. Я. Рисунки и очерки Б. В. Смирнова как историко-этнографический источник сведений о Киргизии начала XX столетия // Изв. АН Кирг. ССР. Сер. обществ. наук. – Т. II. – Вып. 3. – 1960. – С. 103-121.
6. Данияров С. С. Осуществление ленинской программы культурной революции в Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1972. – 264 с.
7. Рукописный фонд Национальной Академии наук Кыргызской Республики. Инв. № 155.
8. Ауэзов М. О. Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 15-85.
9. Акаев А. А. История, прошедшая через мое сердце. – Москва-Бишкек: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», Илим, 2003. – 287 с.
10. Солтоноев Б. Кыргыз тарыхы: Тарыхый очерктер. – Бишкек: Учкун, 1993. – 2-китеп. – 162 б. (на кыргызском яз.)
11. Ауэзов М. О сказителях (к изданию эпоса «Манас») // Советская Киргизия. – 1935. – 8 июня.
12. Ауэзов М. О. Манас: героическая поэма киргизского народа // Казахстанская правда. – 1936. – 28 сентября.
13. Ауэзов М. О. Соображения по поводу уточнения даты «Манаса» // Отан тарыхы. – 2002. – № 2, № 3.
14. Ауэзов М. О. «Манас» – киргизская героическая поэма. – Алматы: Издательский дом «Жибек жолы», 2011. – 152 с.
15. Киргизский героический эпос «Манас». – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 232 с.
16. Кривоносов В. М. О напевах киргизского эпоса «Манас» // Советская музыка. – М., 1939. – № 5. – С. 35.
17. Виноградов В. С. Музыка советской Киргизии. – М.: Искусство, 1939. – 136 с.
18. Беляев В. М. Киргизская народная музыка // Советская музыка. – М., 1939. – № 6. – С. 19-30.
19. Затаевич А. В. Киргизские инструментальные пьесы и напевы. – М.: Сов. композитор, 1971. – 420 с.
20. Беляев В. М. Очерки по истории музыки народов СССР. Вып. 1. – М.: Госмузиздат, 1962. – С. 21-24.

21. Виноградов В. С. Напевы «Манаса» // Энциклопедический феномен эпоса «Манас»: Сб. ст. об эпосе «Манас». – Бишкек: Гл. ред. КЭ, 1995. – С. 223-235.
22. Виноградов В. С. Киргизская народная музыка. – Фрунзе: Киргосиздат, 1958. – 336 с.
23. Виноградов В. С. Напевы «Манаса» // Манас. Киргизский героический эпос. – Кн. 1. – М., 1984. (Эпос народов СССР) – С. 492-510.
24. Корев С. И. Киргизское народное искусство // Вечерняя Москва. – 1939. – 5 июня.
25. Шубин П. Ф. Певцы и музыканты Киргизии // Комсомольская правда. – 1939. – 20 мая.
26. Емельянов Б. На вечере киргизского искусства // Литературная газета. – 1939. – 20 февраля.
27. Вершилов В. Искусство киргизского народа // Литературная газета. – 1939. – 15 мая.
28. Пахомов В. «Манас» и манасчи // Литературная газета. – 1939. – 26 мая.
29. Рахматуллин К. А. Манасчылар (биографиялык материалдар). – Фрунзе: Кыргызмамбас, 1942. – 123 б. (на кыргызском яз.)
30. Жирмунский В. М. Среднеазиатские народные сказители // Известия Всесоюзного географического общества. – М.; Л., 1947. Вып. № 4. – С. 407-416.
31. Жирмунский В. М. Легенда о призвании певца // Исследования по истории культуры народов Востока: Сб. ст. в честь акад. И. А. Орбели. – М.; Л.: Наука, 1960. – С. 185-195.
32. Жирмунский В. М. Фольклор Запада и Востока: сравнительно-исторические очерки. – М.: ОГИ, 2004. – 464 с.
33. Кыдырбаева Р. З. Сказительское мастерство манасчи. – Фрунзе: Илим, 1984. – 117 с.
34. Ибраимов К. Ыбырайым Абдырахманов. – Фрунзе: Илим, 1987. – 140 б. (на кыргызском яз.).
35. Мамыров М. Ч. «Манас» эпосунун калыптаныш тарыхы. – Бишкек: Бийиктик, 2005. – 272 б. (на кыргызском яз.).
36. Мусаев С. М. Манасчылар // Кыргыз адабиятынын тарыхы: «Манас» ж-а манасчылар. Т. 2. – Бишкек: Шам, 2004. – С. 131-156. (на кыргызском яз.)
37. Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 295 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
38. Жумалиев К. Алп манасчылар. – Бишкек: Бишкек гуманитардык университети, 2003. – 186 б. (на кыргызском яз.).
39. Жумалиев К. Манасчылардын типтери. – Бишкек: Бишкек гуманитардык университети, 2003. – 101 б. (на кыргызском яз.).
40. Жумалиев К. ж.б. Түштүктүк манасчылар жана семетейчилер. – Бишкек: Бишкек гуманитардык университети, 2001. – 120 б. (на кыргызском яз.)
41. Жумалиев К. Ысыккөлдүк манасчылар жана семетейчилер. – Бишкек: К. Карасаев атындагы Бишкек гуманитардык университети, 2007. – 195 б. (на кыргызском яз.)
42. Заркунов А. Жапый уулу Тыныбек. «Манас», «Семетей» эпосунан. А. Заркунов жалпы ред. астында. – Бишкек: Кут-Бер, 2012. – 476 б. (на кыргызском яз.)
43. Муратова С. С. Саякбай. – Бишкек: Мукай, 2013. – 160 б.
44. Орозобекова Ж. К. Айтуучулук өнөрдүн тарыхый өсүп-өнүгүү жолу. – Бишкек: КУИА, 2003. – 208 б. (на кыргызском яз.)
45. Адиль Джамиль. Эпос «Манас» и традиции тюркских сказаний. – Баку: Элм и тахсил, 2011. – 180 с.
46. Бакиева Г. А. Социальная память и современность. – Бишкек: Илим, 2000. – 231 с.
47. Heide van der N. Spirited Performance. The Manas epic and society in Kyrgyzstan. Proefschrift ter verkrijging van de graad van doctor aan de Universiteit van Tilburg. 2008. – 334 с. (на английском яз.)
48. Байсабаева Г. М. Эпос «Манас» в контексте музыкальной культуры кыргызов. – Бишкек: Принт-центр «Блиц», 2011. – 208 с.
49. Усенова Н. Э. Эпос «Манас» как мнемоническая культура кыргызов: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Бишкек, 2014. – 27 с.
50. Бакчиев Т., Абдрасулов С., Раимбердиева И. и др. Кыргызская матрица. Механизмы духовного самосохранения и развития. Ч. 1. – Бишкек: Издательский дом «Салам», 2012. – 200 с.
51. Асанканов А., Бекмухамедова Н. Акыны и манасчи – создатели и хранители духовной культуры кыргызского народа. – Бишкек: Мурас, 1999. – 200 с.

References

1. Moldobaev I. B. «Manas» – istoriko-kul'turnyj pamjatnik kyrgyzov. – Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 312 s.
2. Valihanov Ch. Ch. Ocherki Dzhungarii // Jenciklopedicheskij fenomen jeposa «Manas»: Sb. st. ob jepose «Manas» / Sost. S. Aliev, R. Sarypbekov, K. Matiev. – Bishkek: Gl. red. KJe, 1995. – 472 s.
3. Radlov V. V. Obrazcy narodnoj literatury severnyh tjurkskih plemen // Jenciklopedicheskij fenomen jeposa «Manas»: Sb. st. ob jepose «Manas» / Sost. S. Aliev, R. Sarypbekov, K. Matiev. – Bishkek: Gl. red. KJe, 1995. – 472 s.
4. Almashi G. Proshhanie geroja Manasa s synom Semeteem // «Manas» geroicheskij jepos kirgizskogo naroda. – Frunze: Ilim, 1968. – 232 s.
5. Galickij V. Ja. Risunki i ocherki B. V. Smirnova kak istoriko-jetnograficheskij istochnik svedenij o Kirgizii nachala HH stoletija // Izv. AN Kirg. SSR. Ser. obshhestv. nauk. – T. II. – Vyp. 3. – 1960. – S. 103-121.
6. Danijarov S. S. Osushhestvlenie leninskoj programmy kul'turnoj revoljucii v Kirgizii. – Frunze: Ilim, 1972. – 264 s.
7. Rukopisnyj fond Nacional'noj Akademii nauk Kyrgyzskoj Respubliki. Inv. № 155.
8. Aujezov M. O. Kirgizskaja narodnaja geroicheskaja pojema «Manas» // Kirgizskij geroicheskij jepos «Manas». – M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – S. 15-85.
9. Akaev A. A. Istorija, proshedshaja cherez moe serdce. – Moskva-Bishkek: IPC «Dizajn. Informacija. Kartografija», Ilim, 2003. – 287 s.
10. Soltonev B. Kyrgyz taryhy: Taryhyj ocherkter. – Bishkek: Uchkun, 1993. – 2-kitep. – 162 b. (na kyrgyzskom jaz.)
11. Aujezov M. O skaziteljah (k izdaniyu jeposa «Manas») // Sovetskaja Kirgizija. – 1935. – 8 ijunja.
12. Aujezov M. O. Manas: geroicheskaja pojema kirgizskogo naroda // Kazahstanskaja pravda. – 1936. – 28 sentjabrja.
13. Aujezov M. O. Soobrazhenija po povodu utocnenija daty «Manasa» // Otan tarihy. – 2002. – № 2, № 3.
14. Aujezov M. O. «Manas» – kirgizskaja geroicheskaja pojema. – Almaty: Izdatel'skij dom «Zhibek zholy», 2011. – 152 s.
15. Kirgizskij geroicheskij jepos «Manas». – M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – 232 s.
16. Krivonosov V. M. O napevah kirgizskogo jeposa «Manas» // Sovetskaja muzyka. – M., 1939. – № 5. – S. 35.
17. Vinogradov V. S. Muzyka sovetskoj Kirgizii. – M.: Iskusstvo, 1939. – 136 s.
18. Beljaev V. M. Kirgizskaja narodnaja muzyka // Sovetskaja muzyka. – M., 1939. – № 6. – S. 19-30.
19. Zataevich A. V. Kirgizskie instrumental'nye p'esy i napevy. – M.: Sov. kompozitor, 1971. – 420 s.
20. Beljaev V. M. Ocherki po istorii muzyki narodov SSSR. Vyp. 1. – M.: Gosmuzizdat, 1962. – S. 21-24.
21. Vinogradov V. S. Napevy «Manasa» // Jenciklopedicheskij fenomen jeposa «Manas»: Sb. st. ob jepose «Manas». – Bishkek: Gl. red. KJe, 1995. – S. 223-235.
22. Vinogradov V. S. Kirgizskaja narodnaja muzyka. – Frunze: Kirgosizdat, 1958. – 336 s.
23. Vinogradov V. S. Napevy «Manasa» // Manas. Kirgizskij geroicheskij jepos. – Kn. 1. – M., 1984. (Jepos narodov SSSR) – S. 492-510.
24. Korev S. I. Kirgizskoe narodnoe iskusstvo // Vechernjaja Moskva. – 1939. – 5 ijunja.
25. Shubin P. F. Pevcy i muzykanty Kirgizii // Komsomol'skaja pravda. – 1939. – 20 maja.
26. Emel'janov B. Na vechere kirgizskogo iskusstva // Literaturnaja gazeta. – 1939. – 20 fevralja.
27. Vershilov V. Iskusstvo kirgizskogo naroda // Literaturnaja gazeta. – 1939. – 15 maja.
28. Pahomov V. «Manas» i manaschi // Literaturnaja gazeta. – 1939. – 26 maja.
29. Rahmatullin K. A. Manaschylar (biografijalyk materialdar). – Frunze: Kyrgyzmambas, 1942. – 123 b. (na kyrgyzskom jaz.)
30. Zhirmunskij V. M. Sredneaziatskie narodnye skaziteli // Izvestija Vsesojuznogo geograficheskogo obshhestva. – M.; L., 1947. Vyp. № 4. – S. 407-416.
31. Zhirmunskij V. M. Legenda o prizvanii pevca // Issledovanija po istorii kul'tury narodov Vostoka: Sb. st. v chest' akad. I. A. Orbeli. – M.; L.: Nauka, 1960. – S. 185-195.
32. Zhirmunskij V. M. Fol'klor Zapada i Vostoka: sravnitel'no-istoricheskie ocherki. – M.: OGI, 2004. – 464 s.
33. Kydyrbaeva R. Z. Skazitel'skoe masterstvo manaschi. – Frunze: Ilim, 1984. – 117 s.

34. Ibraimov K. Ybyrajym Abdyrahmanov. – Frunze: Ilim, 1987. – 140 b. (na kyrgyzskom jaz.).
35. Mamyrrov M. Ch. «Manas» jeposunun kalyptanysh taryhy. – Bishkek: Bijiktik, 2005. – 272 b. (na kyrgyzskom jaz.).
36. Musaev S. M. Manaschylar // Kyrgyz adabijatynyn taryhy: «Manas» zh-a manaschylar. T. 2. – Bishkek: Sham, 2004. – S. 131-156. (na kyrgyzskom jaz.).
37. Putilov B. N. Jepicheskoe skazitel'stvo: tipologija i jetnicheskaja specifika. – M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 1997. – 295 s. (Issledovanija po fol'kloru i mifologii Vostoka).
38. Zhumaliev K. Alp manaschylar. – Bishkek: Bishkek gumanitardyk universiteti, 2003. – 186 b. (na kyrgyzskom jaz.).
39. Zhumaliev K. Manaschylardyn tipteri. – Bishkek: Bishkek gumanitardyk universiteti, 2003. – 101 b. (na kyrgyzskom jaz.).
40. Zhumaliev K. zh.b. Tyshtykytyk manaschylar zhana semetejchiler. – Bishkek: Bishkek gumanitardyk universiteti, 2001. – 120 b. (na kyrgyzskom jaz.).
41. Zhumaliev K. Ysykköldyk manaschylar zhana semetejchiler. – Bishkek: K. Karasaev atyndagy Bishkek gumantardyk universiteti, 2007. – 195 b. (na kyrgyzskom jaz.).
42. Zarkunov A. Zhapyj uulu Tynybek. «Manas», «Semetej» jeposunan. A. Zarkunov zhalpy red. astynda. – Bishkek: Kut-Ber, 2012. – 476 b. (na kyrgyzskom jaz.).
43. Muratova S. S. Sajakbaj. – Bishkek: Mukaj, 2013. – 160 b.
44. Orozobekova Zh. K. Ajtuuchuluk önerdyn taryhyj ösyp-önygyy zholu. – Bishkek: KUIA, 2003. – 208 b. (na kyrgyzskom jaz.).
45. Adil' Dzhamil'. Jepos «Manas» i tradicii tjurkskih skazanij. – Baku: Jelm i tahsil, 2011. – 180 s.
46. Bakieva G. A. Social'naja pamjat' i sovremennost'. – Bishkek: Ilim, 2000. – 231 s.
47. Heide van der N. Spirited Performance. The Manas epic and society in Kyrgyzstan. Proefschrift ter verkrijging van de graad van doctor aan de Universiteit van Tilburg. 2008. – 334 s. (na anglijskom jaz.).
48. Bajsabaeva G. M. Jepos «Manas» v kontekste muzykal'noj kul'tury kyrgyzov. – Bishkek: Printcentr «Blic», 2011. – 208 s.
49. Usenova N. Je. Jepos «Manas» kak mnemonicheskaja kul'tura kyrgyzov: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. – Bishkek, 2014. – 27 s.
50. Bakchiev T., Abdrasulov S., Raimberdieva I. i dr. Kyrgyzskaja matrica. Mehanizmy duhovnogo samosohranenija i razvitija. Ch. 1. – Bishkek: Izdatel'skij dom «Salam», 2012. – 200 s.
51. Asankanov A., Bekmuhamedova N. Akyny i manaschi – sozdateli i hraniteli duhovnoj kul'tury kyrgyzskogo naroda. – Bishkek: Muraş, 1999. – 200 s.

